

Юлия Юсти

Tempo para viver. (Время жить)

Юлия Юстен

Tempo para viver (время жить)

<https://litres.ru/73447978>

SelfPub; 2026

Аннотация

Поэтический сборник, в котором соединены мистические, философские и лирические мотивы. Каждое произведение - история, рисующая читателю яркие образы. Книга наполнена необычными метафорами, через которые раскрывается мораль произведений автора.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Юлия Юстен

Tempo para viver (время жить)

Глава

Я видел, как уходят корабли...
За призрачными гранями тумана
Едва заметна с краешка земли
Нескладная фигура капитана.
Массивный трос, натянутый, как лук,
Готовый оборваться от движенья
Всего лишь нить, – мне кажется, что вдруг
Он, вопреки законам притяженья,
Взлетит к свинцовым тучам, а за ним,
Под купол серебристый небосвода,
Корабль вспорхнет – растаяв словно дым.
И сонная дождливая природа
Вся встрепенется, вспыхнет как в огне,
Удивлена неслыханным обманом.
Где в танце, различимом только мне,
Сойдётся парус с ветром и туманом.
Он будет светлым, словно чистый лист,

Страница, не испорченная нами,
Мгновенье... От мерцания зажглись
Две искры над косыми валунами.
Их грани так зеркальны на воде,
Что кажутся Вселенной продолженьем...
Как жаль, что путь к свободе звезде
Так часто обусловлен притяженьем...

***

Ох, куда же мы рвемся с вами?
Нам бы только свободы миг!
В этой гонке за чудесами
Каждый верить себе привык.
Да и то – абы как, вдогонку,
Усмиряя строптивый нрав,
Сочинили про эту гонку,
Черте что про нее наврав.
Все в заботах, в смятении, в мыслях,
Отошли до иных высот.
Так и время проходит быстро
И не скучно живет народ.
Свои Судьбы клянем-ругаем,
За других толковать не прочь.
Так кого ж Судным Днем пугаем,
Если Судная грянет Ночь?

Опрокинет корабль с парусами
Небывалой мощи гроза.

Мы во всем виноваты сами,
А считаем, что небеса.

***

Кай собирает слово «Любовь».

Кай ещё юн и свеж.

Бьётся, пульсирует, стонет кровь

Ритмом его надежд.

Кай – синеглазый поэт и псих.

И в темноте, в углу

Всё, что собрал он – ложится в стих

На ледяном полу.

Женщина... Тонкий изгиб бровей.

Стан – изящней ольхи...

Властно следит, чтобы только ей

Кай посвящал стихи.

Трон её холоден и колюч.

Ворон – её лакей.

Ворон приносит ей чёрный ключ

От ледяных дверей.

– Мой! – Говорит она Каю. – Мой

Будешь навечно ты.

Кай позабыл дорогу домой,

Солнце, весну, цвету.

Герду забыл и тепло очей –

Всё собирает лёд.

А Королева под звон ключей

Песни ему поёт.

Голос холодный. Но вновь и вновь,

Сквозь пустоту и тлен,

Кай собирает слово «Любовь»,

Возле её колен.

И Королева, горда собой,

Смотрит в седую даль.

– Кай, – говорит она, – мальчик мой,

Видишь, грядёт февраль?

Я отопру свою спальню, Кай.

И ты пойдёшь со мной.

Скоро в очах твоих тёплый май

Сменится белизной.

Скоро в душе твоей пустота

Будет сиять, как сон.

Я поцелую твои уста

И ты взойдёшь на трон...

Где-то среди грозных еловых век,

Сквозь буран и пургу.

Герда спешит, разгребая снег.

– Я тебе помогу!-

Плачет, кричит. И её слеза

Вмиг застывает льдом.

– Кай! Возвращайся ко мне, назад!

Помнишь, где был наш дом?
Вот во дворце она. Холод. Ночь.
Вьюга плетёт петлю.
– Герда. – Он ей: – Убирайся прочь.
Я тебя не люблю.
Нет. Не спасай меня. Жги мосты.
Вот, погляди на трон.
Я в Королеву... да что мне ты?...
Всею душой влюблён.
Герда ушла, ни сказав «прощай»,
Плакала тишина.
Жил во дворце Королевы Кай.
Герда жила одна...
Годы мелькали, как снежный ком.
Ветер занёс пургой
Их небольшой, но уютный дом,
Где обитал покой...
Трон возвышается. Кай погиб.
В залах пустых темно.
И Королева дворцовых глыб
Герда – давным-давно.
Взор её пуст уже много лет.
Холод в её крови.
Кто-то другой у её колен
Пишет слова любви.
– Будешь служить мне. Забудешь дом,

После – полюбишь тьму...
(Где-то, сквозь чащи и бурелом
Кто-то бежал к нему...)

***

Кто-то ездит по-кругу, а вовсе не до конечной
На троллейбусе жизни. Если не поняла:
Только очень горячие могут застыть навечно.
Только очень холодные могут сгореть дотла.
Каждый новый вошедший – свободное место ищет
У окна, чтобы видеть встречу, огни дорог.
И патлатый кондуктор в ризовом полотнище -
Это Бог, дорогая. Просто обычный Бог.
Равномерно и сонно, он, улыбнувшись криво,
Раздаёт нам Любовь. Но что же отдать ему,
Чтобы ехать в троллейбусе жизни и быть счастливым
– Не пойму, дорогая. Всё ещё не пойму.
Он стоит надо мной – седой и безумно важный.
"Оплатите проезд". – Говорит мне и я молчу.
Бог, ты знаешь, я дома забыл бумажник...
Я тебе обязательно заплачу.
Те, кого я любил, незаметно и рано вышли.
К тем, кто любит меня – сижу у окна спиной.
Бог, скажи всем, кто едет – любовь не бывает
лишней.

Не
Бывает
Земной.

Там, на каждой Любви – чьё-то имя. Я видел, Боже!
Кто тебе их печатал? Сколько ещё есть мест?
Я ещё покатаюсь.

Потом, возможно...

Я
Сполна
Оплачу...

Я сполна оплачу

Проезд.

***

На сырых стадионах, под коркой льда, #

В отраженьях киосков, витрин и глаз, #

Я читал твой образ, моя звезда, #

Как ночами Космос – читает нас. #

Когда я был маленький, как икра, #

Нелюбимый, жалкий, готовый лгать, #

Я же знал, что это – твоя игра. #

И я знал, что ты – рождена сиять. #

Я не видел Ниццу, Мишлен, авто, #

Я не пил в столице МОЁТ с дорблю. #

Я еще не знал, я не знал про то, #

Как тебя я, милая, полюблю. #

Я сидел на вате у теплотрасс, #

Я смотрел на черные небеса, #
И я видел: объединяют нас #
Эти карие выцветшие глаза. #
В них янтарь и пустыня. В них Бог и боль. #
В них Сатурн и Солнце сцепились в кровь. #
И я знал тебя всю – поперек и вдоль. #
И я видел, как тебя ест Любовь. #
В каждой ложке – горсточка из стекла, #
Ведь тебя разбивали. Но ты – броня. #
Ты в стихе моем каждом. Каждом жила. #
Потому что ты – это часть меня. #
Все мы ищем романтики. Я – туда ж. #
Ищем скрытые смыслы и тонкий штрих. #
Я точил твой образ, как карандаш. #
Я увидел сотни. Ты лучше их. #
Я писал тебе восемнадцать лет. #
И никак тебя разглядеть не мог. #
Потому что ты – октябрьский снег. #
А мои слова – ноябрьский смог. #
Теплотрассы, бары, духи, вино. #
Поезда, вагоны, волосы, снег. #
Все датали меркнут, когда темно. #
Мы встречались раньше во сне. Во сне. #
Ты была такую, как я хотел. #
А каким был я – я не знал и сам. #
На изломе линии наших тел... #

Знаю руки, усмешку, губы, глаза. #

И я понял всё – это драма. Дым. #

Это вечные поиски бытия. #

Я писал тебе. Я писал не им. #

Но ведь ты – это я... #

Значит, ты – как я.

***

Есть стихи, что писать больней, чем втыкать открыто

В обнажённые вены иголки. И это кстати,

Не считая того, что каждая Маргарита

Ищет Мастера, написавшего о Пилате.

Ей другого не надо. Только с горящим слогом.

С лихорадочным блеском глаз и со статью принца.

Она ищет того, кто змей убивает словом,

Кто сердца оживляет. Чтобы навек влюбиться.

И выходит с цветами жёлтыми в переулок –

Лишь бы он отыскал её в этой пустой Вселенной.

Сколько было уже бесцельных таких прогулок.

Сколько гибнет цветов, перевязанных чёрной лентой...

Мастер пишет в камерке последнее о Пилате.

Буквы – в пепел. И строки тлеют над бездной страсти.

Маргарита сидит на спинке его кровати -

Завороженно смотрит, как ускользает счастье.

И заранее знает, – эта любовь разбита

Словно ваза. И по стихам собирает вечность...
И гордится, что знает Мастера Маргарита.
И с цветами больше не ходит гулять под вечер.
Им двоим, всем известно – точно не по дороге.
Всё пошло не по плану. Встреча была некстати.
Маргарита находит Мастера. Но в итоге
Нет
ни снов, ни любви.
Ни повести
о Пилате.

***

Егерь Эндрю не держит в лисятнике рыжих лис.
И лисятник у егеря Эндрю почти что пуст.
Там в вольерах висят фотографии женских лиц.
И в кормушках скучают подвески французских люстр.
Только черные лисы ночуют среди рогож,
Завернувшись опалом тёмного уголька.
Только белые лисы, как меховая брошь,
Засыпают на тёмном бархате наста мха.
Егерь Эндрю обходит владенья с ружьём под ночь.
Лисы спят. Бдит степная сова, охраняя лис.
Егерь Эндрю давно бы завёл и жену и дочь,
Если бы не подвески люстр и не снимки лиц.
Зажигая лучину, за ящиком, за мешком
Он глядит, чтоб к нему не закрался незванный гость.

Здесь у каждой лисы – ошейник, да с поводком.
Здесь у каждой есть чан похлёбки, вода и кость.
Когда Эндрю проверит, когда он запрёт вольер,
Когда лисы уснут в неволе его аскез,
Он заносит домой ружье, табак, револьвер,
Надевает рубаху и проникает в лес.
Лес так чёрен и пуст. Луна – как щекастый гном
Улыбается серым рельефом. Вот-вот гроза.
Егерь Эндрю снимает рубашку. Вдруг ливень, гром.
И бежит к нему рыжая, словно огонь, лиса.
Эндрю холодно, Эндрю рыдает. Лиса у ног,
Опустив свой пушистый хвост, не пускаясь прочь.
«Отпусти моих братьев, Эндрю. Ты одинок.
И несчастные лисы не могут тебе помочь».
«Ты свободна, янтарная! Только глядеть хожу
На твой хвост и глаза зеленее морской воды.
Эти лисы – последнее, чем я ещё дышу.
Я тебя не ловлю. Зачем мне в вольере ты?...
Ты – как ветер. Ни в цирк и ни на манто.
Ты предательски мудрая. Ты – мой лесной тотем.
И в подмётки тебе не годится из них никто...
Я делю с ними кров, с ними плачу, живу и ем».
Так ходил он ночами к рыжей. Лиса ждала.
И жалела его. Он спать уходил в вольер.
Но однажды, проснувшись утром, он со стола
Взял заряженный полной обоймой револьвер.

«Не учи меня жить» – сказал он лисе в ту ночь.
И ей выстрелил в сердце – в сердце, да под ребро.
И упала лиса. И взгляд устремился прочь.
Ее мертвые очи смотрели ему в нутро.
И ушел егерь Эндрю молча, как из кулис
Исчезает порою маг, показав свой трюк.
Он зашёл в вольер, почистил оружие, черных лис
Покормил куриными потрохами из грязных рук.
И довольные лисы терлись вблизи сапог,
И смотрели невинно. И потрошили птиц.
Егерь Эндрю всю ночь не спал. Он уснуть не мог.
А под утро пошёл и убил всех домашних лис.
И тела их оставил в роще, под настом мха,
Пусть стервятники гложут. Ведь роща – отличный
гроб.

«Вот тебе и свобода, рыжая... навека»-

Егерь Эндрю сказал и себе

Обойму

Высадил

В лоб.

***

Солнце в лестничном пролёте. Запах улицы весенней.
Небо – синее, как платье. Три тетради. Смех и дым.
Ты встречаешь с сигаретой, с репетиции последней.
Прямо с лестницы – в объятья. Хочешь, вместе
убежим?

По тенистому бульвару, мимо лавочек-красавиц,
Мимо памятников старых, манекенов и авто,
Мы прогуливаем пары, робко пальцами касаясь.
И торжественно-серьёзно ты несёшь моё пальто.
Солнце нас целует в веки, солнце лижет наши плечи.
Солнце прячется в каштанах, книжных лавках и
глазах

Редких деловых прохожих. Ветер дует нам навстречу
И из тоненькой рубашки хочет сделать паруса.
Вниз, по набережной, к Каме, где стоят угрюмо
баржи,

И асфальт горячий пахнет первым солнцем и теплом.
Мы с тобой, минуя свечки, обходя многоэтажки
По весенним перекрёсткам, взявшись за руки идём.
И весь мир – как будто вечен. И зимы – как будто
нету.

Облака рисуют лодки, что в глазах твоих топлю.
Ты посмотришь прямо с пирса на стекло весенней
речки,

Повернёшься, улыбаясь и боясь сказать: "Люблю".
Но я вижу это, вижу. Всё в улыбке разглядела.
И в подрагиваньи пальцев. У самой-то в горле ком...
Я сама, вперёд подавшись, обниму тебя несмело,
Ты вдохнёшь, ещё не веря. И на вдохе мы замрём.
Будем так стоять у пирса. Позабыв про все уроки,
Про тетради и экзамен, мной не сданный к

сентябрю.

Я ресницами рубашки твоей шёлковой касаясь,
Щурюсь радостно от солнца. Как же я тебя люблю...
Ты не дышишь. Просто гладишь, как прикормленную
птицу,

Нежно, тонкими руками по волнистым волосам.
Ты ещё не знаешь, кто кому завещан снится
и ещё не бьёшь по крыльям, устремлённым к
небесам.

И не знаешь, как отравишь сам себя позднее ядом -
Ревность, слёзы, боль, обида, обещания уйти.
Только это будет после... И сейчас писать не надо.
Ведь сейчас – весна и счастье. И почти что без пяти.
Без пяти: "Люблю. Ты счастье". Без пяти – другое
вижу.

Без пяти – разбито сердце. Одиночество и ром.
Без пяти сгореть от страсти.
"Ненавижу!... Ненавижу!"

Без пяти – и душу в пепел. Но потом. Потом... потом.
Продолжать – не стану больше. Если в жизни всё так
странно,

Пусть, молю я, оборвётся стих, неся в себе покой -
На счастливом, нежном, ясном, на слепом и
долгожданном...

На моменте, где ты робко гладишь волосы рукой.

***

Роззи!

...Роззи, скажи откуда в твоём Космосе столько звёзд?...

Ты двулика, как Иуда. Я – обманутый твой Христос...

Эти розы в нелепой позе остывают меж постных фраз.

Ты забавная...слышишь, Роззи? Ты ведь даже не веришь в нас,

С сигаретами, как с обоймой, закрывая собою дот.
У ресниц твоих чёрной проймой ожидает меня восход.

И таращится солнце. В прозе рассказать о тебе нельзя.

Ты всё время страдаешь, Роззи. Что с тебя ещё можно взять?

Я облизывал, словно марки, твои строки и каждый раз

Ты поила меня кадаркой, когда вечер за шторой гас,
Ослепляя уютный Космос, ты врезалась в меня, как стих...

Если ты собираешь звёзды, я могу быть одной из них?...

***

Пригвоздило снегом беленым душу к самому нутру.
Мне, поэту, знать не велено – от чего же я умру.

Небо звёздное приспущено, ночь целует чёрный пруд.

Нам прожить ещё отпущено столько, сколько не живут.

Тишина ветрами стелется по изгибам голых вен.

Иней матовый шевелится у берёзовых колен.

Закружите в танце сызнава стаи чёртовых ворон,
Чтоб смолой тягучей брызнули лики суздальских икон.

На дорогах – гололедище. Снег пешком ни протоптать.

У поэта – что ни детище – то бутылка и кровать.

Он латает сердце строчками там, где требуют врача.

Воска рыжей оторочкою гаснет блёклая свеча.

Столько правд на шаре крутится. Верной правды - ни одной.

Память временем помутится, обвенчавшись с тишиной.

Жрать с вином несёт поэзию под простой затяжный свист,

Через век... неужто грезю я!... новый хам и скандалист.

На листе его разорванном – о любви, которой нет.

Говорит: " Сейчас позорно мне вам кричать, что я поэт.

Мы поэты – пьянь голимая". – И о стену бьёт хрусталь.

Стонет публика ранимая, дряя божий пьедестал.
И локтями упирается. И заказывает счёт.
Он стоит и рифмой кается. Чем же каяться ещё?
Исповедуется строками, вторя кладбищу из строк,
Где, боясь быть одинокими, каждый гол и одинок.
Лишь земля с поэтом венчана чёрной прорезью
кольца.

У поэта что ни женщина – то игрушка без лица.
У поэта всё пригожее – что рисованная блажь.
Душу дьяволу, похоже он, заложил за карандаш.
И строфой вспоров столетие, он клянёт весь белый
свет,

Пропуская междометия. Нет вины, что он – поэт.
Бог погиб в чужих овациях. Красным знаменем
стихий

Разливаются и здравствуют ироничные стихи.
И вздыхает поколение, боль кляня, идя на свет,
Что зажжёт лучиной гения, деревенщина-поэт...
Правда – водится с отчаяньем. Позабыли образа.
У Есенина – печальные, грустно-честные глаза...

***

Я – ведьма из Виндзора Эльза. Резонно, жизненно
дерзко-красиво до нельзя...

Я – ведьма из Виндзора не всегда, а только когда
снимаю линзу с левого глаза – и правый тогда
зелёный, словно морская вода, а левый –

каштановый до безобразия, ярких, словно янтарная страза.

Правым я вижу лица такими, какими они стремятся казаться, придумав знаки своих номинаций на лучшую роль паяца, с желанием отличиться.

Чёткие

контуры, числа, схем пунктуальность.

Правым я

вижу реальность.

Левым я вижу подтекст меж строчек абзаца.

И с помощью пальца переключаю реальности – раз – я закрываю тихонечко левый глаз –

вот люди такие, какими хотят выглядеть.

Я закрываю правый – и ничего не понятно – люди – цветные пятна, кляксы цвета кофейной жижи, успевшие

выгореть –

и кроме яркой одежды и

гаджетов – я ничего не вижу, в душах сплошная сажа, красным углём в печь... Так, за ненужностью, между прочим.

Есть мужчины, которые очень-очень,

Которые очень-очень хотят меня сжечь...

Я называю их Инквизиторы. Я беспокою своими

визитами их исхудалые души, в которых лишь

деньги и равнодушное кружево лжи. Такие мужчины – как рубежи. Они – словно ржавые баржи стоят на

причалах зеленого моря правого глаза. И грохотом
медного таза касаются дна, когда их сжирает волна.
А есть мужчины для левого глаза – и в них – то ли
Бог, то ли сам Сатана. Они обязательно голубоглазы
как небо весеннее или у них глаза – цвета
крыжовника, из сада запущенного, чтоб от
разнообразия красок мне не искать спасения, а
просто тонуть, падать волосами распущенными на
плечи их, целуя губами-вишнями их души.
Они – как падшие Ангелы. Только хуже...
Я – ведьма из Виндзора Эльза. В меня сколько ни
бейся, словно в стену, не будет пользы,
сколько ни бросай фразы – я – словно синяя роза
среди ярко-вызывающе красных, вульгарных цветов.
Я – маленький остров снов. Я просто такой же актёр...
Не надо меня... не надо меня, слышите... не надо
меня на костёр...

***

Двадцать. Семьдесят семь.

Не уезжай. Останься.

Это всего-лишь четыре цифры из нелепых карточных
схем.

Расстояние

От Москвы до Прованса.

Берри Шреттер. Оставь свой кофе, смотри как льёт
По Прованским карнизам ливень. И капли –

фантики.

Собираю тебя на память – как самолёт

Разлетевшийся вдребезги над синевой Атлантики.

Запах свежего дерева – окна ведут в поля.

Там – сиреневый пласт лаванды, как ткань с
заплатами.

Берри Шреттер. Как только носит тебя земля

Со скетч-буками, акварелями и тетрадками?

И с твоими очками, Берри, на пол лица,

Что суммируют небо с бликами – перестуками.

Этот дождь промоет головы и сердца

Всем прованским подросткам с крафтовыми
скетчбуками.

Настоящее, Берри – где-то за пыльным мхом.

Между нами почти ничего. Ничего совсем.

У тебя на Ле Боссе старый зелёный дом.

От Москвы до Прованса

Двадцать. Семьдесят семь.

Я же спрашивал папу – сколько идти пешком?

Как к тебе добираться? Скучно в Москве, темно.

Я влюблён в тебя, Берри. Где-то зелёный дом

И распахнуто в небо старенькое окно.

Где-то розы твои прованские и акцент.

Я забуду тебя среди жизненных выюг и благ,

Оборву провода, что тянут сердечный центр...

Но всё те же чёртовы двадцать. Семьдесят семь.

Как-то так...

Я когда-нибудь буду сидеть и молчать с другой
И показывать ей на звёзды ночной Москвы.

Она спросит небрежно: «А Прованс далеко?»

Я коснусь рукой слегка её головы,

Ей заправлю за ухо локон – белую прядь.

И отвечу: «Рукой подать до него совсем...

– А откуда ты знаешь?

– Выучил.

(Буду врать)

Эти

Чертовы

Двадцать. Семьдесят семь.

– Дорогая, – спрошу. – А сколько до Риги? – Что ж...

Улыбнётся она печально. (Как тут не улыбаться)

И ответит, скрывая в тихом голосе дрожь:

– Девятьсот девятнадцать. Да...

Девятьсот

Девятнадцать...

Дорогая Эстель... с искарёженной «Э» вначале,

Оперевшей грустно на блёклую «с» рукой.

Я люблю тебя, вовсе даже не замечая,

Что сегодня делю постель и еду

С другой.

Дорогая Эстель. Я несчастен, но светел. Честно.

Ты горшишь у меня в груди как маяк Волф-Рок.

Весь зефирно-белёсый город, каждое место –

Прошивают петли твоих

Дешёвых сапог.

И другая похожа чем-то – порою жесты...

Или прядку волос откинет, смеясь, как ты.

Дорогая Эстель. Я сдал вакантное место

Обладателям акций

Нравственной

Пустоты.

И когда ты пинаешь лужи с ухмылкой глупой,

Потому что весна. И небо оттенка щей.

Помни – где-то есть я. И мне стыдно чужие губы

Целовать

после сказанных ими

тебе

Вещей.

После слов, обещаний, стихов. Вдоль твоих

запястий...

Слишком долго не может везти на встречной, крепись по-

эт...

Дорогая Эстель. Я понял, что ценность счастья

Идентична виски -

После разлива

С выдержкой

В 20

Лет.

***

Норма, ну же, возьми телефон, черт тебя дери.
Отойди от окна и зашторь по нему тоску.
Знаю-тысяча бабочек бьют тебя изнутри,
Прорываясь от ребёр к жилистому виску.
Каждый сон твой-какой-нибудь вычурный стих
псалма.
Память налысо, Норма, вряд ли можно обрить.
Норма, выйди из дома. Видишь, кругом зима?
Это все, что нужно, чтобы начать творить.
Старый белый рояль ожидает тебя. Не спать.
Посиди, помолчи, подумай, как мир смешон.
Запиши в свой блокнот-мол, нужно себе наврать,
Чтобы кто-то купился,
Кто-то к тебе пришел.
В этом платье с потекшей тушью над пустотой
Ты играешь неловко реквием. Вечер стих.
"Норма, он же такой хороший, такой простой..."
– Да? – Говоришь с усмешкой. – А кто из них? ...
И улыбка плавится воском. И гаснет ночь.
Огонек рисует узорчатые цветы.
– Это дом. – Повторяешь медленно. – Наша дочь.
А вот это сын... А вот это я. А вот это ты.
И бросаешь крышку на клавиши.
Звук дрожит.
Будто в душу таблетками ввинчивают сверло.

Засыпает, свернувшись калачиком, Норма Джинн.

В этот раз -

навсегда...

С любовью.

Мерилин

Монро...

***

Как будто в платице из ситца, стоит берёзовая марь.

Нырнула сизая синица под подкосившийся фонарь.

Перрон, ещё такой безлюдный, морозным воздухом сквозит.

На перекрёстке Долгопрудной мигает фарами такси.

Всё в обороте снежных кружев, узоры окон прячут лес.

Вокзал, метелями завьюжен, встречает утренний экспресс.

И в снежной сутолке рабочих, дрейфующих в седой мели...

Снежинки с дерзостью пощёчин сверкают на лице земли.

Я вышел. А точнее, выпал, поправив взбившийся вихор...

И воздух тёплый мерно выплыл из губ, державших Беломор.

Вагон – зелёный и простывший, с бельём, гитарой и вином

Уже сейчас казался "бывшим" – далёким и туманным сном.

Он фыркнул, словно конь – так громко – и с лязгом двинулся в мороз.

Я пнул упавшие котомки и сбросил снег с густых волос.

Мой путь – не близкий и не дальний – вобрал свободу всех начал.

Но полупрофиль твой хрустальный меня с букетом не встречал.

Ни глаз твоих в толпе нечастой, ни изумрудного пальто.

Весь мир, пустой и беспричастный – нырнул с водителем в авто.

Я вынул смятые бумажки. Я попросил везти домой. Район, дворы, многоэтажки. Подъезд с подпоркою хромой.

Здесь было много что из детства, у этих патовых рябин.

Заколотилось быстро сердце, я вспомнил, как я был любим...

И всё – и пыль на книжных полках. И солнце в паутине люстр

Теперь саднило нежно-колко сухую сладость грубых чувств.

Я был неузнанным поэтом. Или не знал, что я поэт,

Когда с троллейбусным билетом встречал малиновый
рассвет.

Когда так тщательно, так смело, часы с кукушкой
разбирал.

И морем радио шумело на мебели квартирных скал.

Вот... запах скатерти и руки с горячим чаем, вечер,
грусть.

Такие запахи и звуки, в какие больше не вернусь.

С годами всё тускнеет цветом – и жизнь, и новое и
пыл.

Я думал – вырасту поэтом, не зная, что поэтом был...

Уже светало – чуть заметно. Я вышел, оплатив
проезд.

Передо мною неприметно дремал наш серенький
подъезд.

Бельё, как флаги революций, с балконов рдело
полотном.

Я бросил взгляд вдоль тёмных улиц и вплыл в
затихший старый дом.

Скрипели двери так знакомо, я повернул в замке
ключи.

Была, конечно, мама дома. Пекла к приезду калачи.

Всё пахло пряно и упрямо – корицей, сахаром, травой.

Я бросил вещи. Обнял маму. "Живой?" И я кивнул:
"Живой..."

За чаем в маминой гостиной, как в шали, кутаясь в

вине,

Я говорил солдатски-чинно о том, что видел на войне.

Со всею скупостью и болью, с какой бы рассказал герой,

Чтоб сердце мамино, как солью, не осыпать военной мглой.

И мама охала, но всё же, в улыбке шурились глаза.

И по ее шершавой коже катилась светлая слеза.

Но вот, допив свой чай остывший, я резко встал из-за стола...

И я спросил её о бывшей. Она сказала, что ждала.

А может быть, случилось горе? А может, зря я горячусь?

И я быстрее ветра в поле, к знакомым окнам снова мчусь.

И вот... Случайно... Эта встреча. Платок. Ресницы.

Прядь волос.

Она поворотила плечи от дыма едких папирос.

И под руку с другим, как лебедь, вплыла в подъездный полумрак.

И каркали ворОны в небе, казалось, резкое:
"Дурррак!".

Мне в их глумливом гоготаньи зловещий чудился оскал.

Я в монолитовом молчаньи, роняя пепел, будто спал.

И видел сон длиною в детство. И двор. И поцелуй. И плёс.

Она, как скрипка с хриплым меццо, пленяет музыкой волос

И опьяняет, словно водка. И режет, будто без ножа.

Я выдохнул – легко и кротко. Запел и голос задрожал.

Я всё мурлыкал ноты вальса... и мне всё думалось, что

сплю.

Я вспомнил раз, наверно, двадцать твоё: "Люблю тебя, люблю".

И солнце белое, как тесто, вошло. Его печален плен...

Я называл тебя "невеста", но всё на свете – пыль и тлен.

Всё охладело. Стало ровным, как снежный вечер у реки.

Я помню, в белом платье помню, тебя и локонов витки.

Улыбки сонного вокзала, тепло твоих колен и рук.

"Прощай". – Ты медленно сказала и вдруг всё замерло вокруг.

Я бросил навзничь сигарету и у ларька поймал такси.

"Куда? – Спросил. Я дал монету. – "Аааа... да куда-нибудь вези".

И мы катились по дорогам, как скоморохи, жажда хлеб.

Гадая, где бы нам под Богом поставить хилый свой
вертеп

И развернуть спектакль новый. Мелькали ветви у
берёз...

Я засыпал. Мне снилось снова тепло оттаявших
волос.

Я где-то вышел. Цепь окраин. Грибы домишек, банька,
печь.

Побрёл задумчиво по краю. Хотелось в снег холодный
лечь,

Смотреть на белый звёздный купол. И хохотать. И
стать водой.

Я не люблю тряпичных кукол. Я ещё слишком
молодой.

И вот, заядлым скоморохом я ощутил себя в сердцах.
Мою любовь, что нёс по крохам, я выплеснул в
стакан винца.

И в кабаке ближайшем лихо плясал чечётку на столе.
Такого радостного психа вы не найдёте на земле...

Устав от дерзости похмельной, я сел в углу кабацкой
тьмы.

И чей-то образ акварельный проник в подвал моей
тюрьмы.

Она была простой и скромной. Я наблюдал, едва
дыша,

За морем глаз её огромных, в котором плавала душа.

Простое платье, рук изгибы, стакан вина и тонкий нос.

Закрыв глаза – и вдруг увидел прядь ненавистных мне волос.

Я подошёл, согнав виденье, тушуясь, (надо бы не пить).

– Уже темнеет. -Без сомненья. -А можно вас мне проводить?

– Ну провожайте. – В этом было так много боли и тоски,

Что я коснулся боязливо её фарфоровой руки.

Мы вышли в снег – живой и колкий. Мы шли, не слова не сказав.

И как рождественские ёлки дарили свет её глаза.

Мы поднялись по шатким балкам. Я обронил на стул пальто.

– Мне вас так жалко... Мне так жалко. – И я спросил её: за что?

Она как будто что-то знала, ведя меня в свой бедный кров.

Её рука на мне лежала и я заплакать был готов.

Уткнув лицо в её колени, я в этом радостном тепле, Был без обид и сожалений, счастливым самым на земле.

И я заснул. Она не встала, не смея шевелить рукой.

А только тихо прошептала: -Так вот...какой ты... вот

какой.

И было столько нежной грусти, тепла и искренней любви,

Что я забыл то послевкусье клятв на судьбе и на крови.

Я видел сны, я верил слепо её возвышенным глазам, Привыкшем к радости и свету, но, также, к боли и слезам.

И вот погасли в доме свечи. Не шелохнулись, ни ушли,

Мы были рядом, как планеты по траектории Земли Идущие. Две параллели. С рассветом я открыл глаза.

Она спала. И мы сидели. Засохла на щеке слеза.

Я встал. Надел пальто неловко. Она была немолода.

Лицо, опущенные бровки – всё выдавало в ней года.

Я подошёл к столу – измята, с углом, чернеющим от лент,

Лежала карточка солдата – со мной одних примерно лет.

А рядом – рядом телеграмма. И в ней сквозит такая грусть.

"Война закончится и, мама, я обязательно вернусь" ...

***

Барный стул.

Китайский фонарик – как жёлтый кошачий глаз.

В преломленьи зеркал – дворец бутылок и

полуночников.

Потолок размыкается. Звёзды танцуют вальс.

И неоновый змей играет сломанным позвоночником.

У химер на перилах моря – есть ветер и мощь руин.

У людей, заглянувших выпить – событий хроника.

Ты скребёшь по стакану льдинкой – как Алладин.

Только джин не один в стакане – напару с тоником.

Голоса сливаются в общий единый крик.

Змей заполз под плинтус – боится разоблаченья.

Вот зашло одиночество с чёрной дырой внутри.

Одиночество любит водку и развлеченья.

У него глаза – как истоптанная трава.

Залезает на стул и болтает ногой капризно.

И веселье превращается в пустой дешёвый товар.

Будто кто-то пришёл справлять по прошлому тризну.

Ты ему говоришь: «Уходи, чёрт тебя бери!»

И в лицо ему плещешь текилой, чтобы не пялилось.

Одиночество поправляет дыру внутри.

Одиночество говорит, что сегодня пятница.

«Наливай. Отличное место. Как в Мулен Руж».

Я искало тебя, уж больно ты беззаботный.

Ишь, куда забрался... Здесь столько пропащих душ.

Захотел оставить одиночество без работы?»

И вдруг комната превращается в страшный сон.

Среди дыма, хохота и разгулья.

Словно призраки, входят те, в кого был раньше

влюблен

И занимают рядом пустые барные стулья.

Тянут руки, шепчут: «Вернись, вернись!»

Пятишься и хватаешься за висящие провода.

Одиночество просит всё повторить на бис.

Ты отвечаешь испуганно: «Никогда».

Таёт мираж и таёт в стакане прогорклый лёд.

Одиночество улыбается, манит к себе рукой.

Ты по-прежнему безразличен. В глазах покой.

Одиночество с низким градусом. Не берёт.

Каблуками по полу гордо стучит. И в дверь.

На душе – как камень столкнули в воду. Но снова
гость.

Забегает тоска – облезлый голодный зверь.

И как пёс, скулит, прося тебя, словно кость.

И всё воет: «Грустно! Влюбись! Влюбись!»

А потом рычит и скалится: «Да не в ту!!!»

И ты смотришь робко, будто из-за кулис,

Дожидаюсь поправок в скопище партитур.

И как будто ты – чей-то ужин. Сумбурный век.

Как второе блюдо под серебряным колпаком.

И приходят гости – несколько человек.

И садятся есть тебя, разобрав приборы, за накрытым
круглым столом.

Собираешь остатки воли, кричишь: «Не дам!»

И всё исчезает. Снова знакомый бар.

Голова чиста. Будто кто-то вынес ненужный хлам.

Это утро надело солнечный пеньюар.

– Жизнь- рок-н-ролл. – говоришь. – И всё отступает в раз.

Словно карточный домик рухнет тяжёлый камень.

Тем, кто нынче в режиме: «легкий печальный джаз»

Не оценить контрастов счастья на тонкой грани.

У химер на перилах моря – есть ветер и мощь руин.

Каждый день промотан. У жизни мгновенный скролл.

Ты скребёшь по стакану льдинкой – как Алладин.

Господи, только

Не выключай,

Пожалуйста,

рок-н-ролл...

Господи, только

Не выключай,

Пожалуйста,

рок-н-ролл...

***

Если львы умирают, значит, надежды нет.

Возле каждого льва – десяток шакалов, Джуд.

Белокурое солнце дарит прощальный свет.

Благородные кости львов никогда не лгут.

Львы уходят в пещеры, в самое сердце скал

И ложатся на лапы – мощные, как колосс.

Но шакалов ведут отчаянье и тоска,
Жрать не знающих страха, пощады, стыда и слёз.
Им не важно, как жили львы, как растили львят.
Как охотились, думали, спали, дышали львы...
Они просто голодные. Просто они хотят
Начинать с головы.

Львы всегда принимают самый безумный бой.
А шакалы съедают самых безумных львов.
Это правила, Джуди. Догма. Закон. Устой
Самого
Нелепого
Из миров.

Спи, малышка. Не спрашивай больше, что значит -
страх...

Слишком храбрые гибнут первыми. Даже львы.
Просто помни, что
благородным
бывает
Прах.

А шакалы любят
Начинать с головы.

***

Чёрный снег в пепелище сугробов ложится прахом...
Снежной оспой покрыты вербы и города.
Я ещё никогда не влюблялся с таким размахом.
И с такой быстротой не разлюбивал никогда....

Самый трепетный месяц – в котором метут метели.
Чем морознее ночь, тем ценнее живая кровь.
Пробиваясь цветком сквозь льдины моей постели,
Засыпает со мной нетронутая любовь.
Твой пробор в волосах – словно речка. И лес осенний
Твоих локонов – распростёртые берега.
Ненавижу эпитеты, милая. В воскресенье
Я сменяю тебя бакалейщику на торгах.
Всю тебя, без остатка – весь образ твой, голос, тело.
Запах твой, твои мысли – старый ненужный хлам.
А потом помолюсь, чтоб только ты охладела...
Боже мой... чтобы только ты охладела
к нам.
К нам из прошлого – тем, засыпавшим... ты
помнишь?... вместе.
Тем, застенчиво-нежным, радостным. К тем, иным...
Я тебя зачеркнул, как ставят на бланках крестик
И поставил прочерк, где сказано «был любим».
Время сгладит тебя, сотрёт как пятно с манжета.
Память высушит чувства на солнце чужих страстей.
И наступит лето. Конечно... наступит лето
Где я засажу цветами свою постель.
Знаешь, столько ещё их будет – смешных, беспечных.
С поволокою рта, искринками светлых глаз...
Я однажды в тебя влюбился. Думал – навечно.
Но не вечны мы сами и всё, что внутри у нас.

«Как же так, разлюбить?» – говорила ты, помнишь?...

Было?

«Если любишь одну, как предать её, не скорбя?»

Всё проходит, милая. Знаю, что ты любила.

Больно мне, что не знаю,

Как я разлюбил

Тебя.

***

Наступает эпоха с приставкой -пост.

Мир поэта бесстыж, оголён и прост.

Каждый стих – расчленён на глагол и рот.

Здесь поэты не пишут – молчат вразброд.

Каждый думает: он богомол и мул.

Каждый что-то раздал, разпорол, раздул.

Это вирус-поэзия-бес во рту,

Сублимация жалкости в красоту.

Каждый волк. Благородство летит с плеча

Стоном шизофреничного скрипача,

Что смычком, обезумев, убил оркестр.

Алкоголь переходит второй семестр.

Ни любви у поэтов, ни дел, ни сил.

Каждый Бога о чём-нибудь да просил.

Бог выписывал всем проходной листок...

Но к поэтам – особенно Бог жесток.

Крайний в каждом окошке – всегда поэт.

На раздаче любви, анаши, котлет.

Счастья, радости, веры, жены, страны -

Занимайте за ними. Они пьяны...

Так бывает: во чреве строку родил -

Напоролся на ствол, провалился в ил.

Землю ел и навоз попадался в ней.

От того и стих из строки больней.

Здесь, в эпохе "пост" – поэзия – фарш.

Каламбурный грэш, карандашный шарж.

Есть стихи как грязь, есть стихи как спесь.

Бей словами, души, по гортани лезь.

Покажи, как ты болен, страстен и зол.

Как искал, ошибался и не нашёл.

Просыпайся утром с дырой в глазах.

Вишню губ настаивай на слезах.

Пей до дна, влюблённый, мутную смесь.

У поэтов – только поэты есть.

У поэтов – только поэтов нет.

После долгой тьмы – убивает свет.

Подземелье поэзии – дно стихий.

Набивай в свой рот чужие стихи.

Блюй словами – это эпоха "пост", Где всё просто и сам ты

Жалок

И

Прост.

***

В Лиме важные дамы молча уходят с корта #

Наливать себе Порто под Gaucha Раззано. #
Это будет рассказ о мальчике из эскорта #
И о девочке – с золотыми, как мёд, глазами. #
Пока море качает катер у Коста Верде #
И палящее солнце жалит худые плечи, #
Она ждёт его возле пляжа, в пустой таверне. #
И от рома ей, я скажу вам, ничуть не легче. #
Этот мальчик – обманщик, как светлячок, как
брошка. #
Дорого парфюма облако, звон металла. #
А она – из глухого гетто, змеёныш, кошка. #
У неё нет ни сна, ни дома, ни капитала. #
Платье в жёлтую клетку, рыжих веснушек свора, #
Фартук официантки, вздёрнутый носик, косы. #
Мальчик едет в отель. Водитель, цветы, синьора. #
Она смотрит на море – волны и папиросы. #
Он вернется позднее, снимет костюм и деньги. #
Поцелует – и та провалится прямо в бездну. #
Он похож на героя фильма – Нью-Йоркский денди, #
А она – на кулак, зажавший десяток лезвий. #
Он ей скажет: «Ну что ты, милая, будь попроще... #
Все богатые, девочка, мерзкие отморозки». #
Ее сердце – (а он не знает) – большая площадь, #
На которой – глаза поднимешь, увидишь звёзды. #
Он бежит от людей в объятия людей, так странно. #
А она – в одиночную камеру своих мыслей. #

Она хочет чуть походить #
на звезду экрана, #
Чтобы больше не видеть #
Тлена роскошной жизни. #
– Это пыль, – говорит она. #
Он смеётся, курит. #
– Накопи, раздели, это жизнь, #
Разложи по полкам... #
Они оба друг друга знатно, #
Нещадно дурят, #
Собирая разбитое прошлое #
По осколкам. #

***

В небо воткнут месяц, как в масло нож. #
Синева заштопана мглой. Смотри. #
Ты меня читаешь, но не поймёшь. #
У меня – сквозная дыра внутри. #
Ты мне пишешь: «Привет! Как твои дела?». #
А я еле держусь за корявый сук. #
Подо мной, мой милый, разверзлась мгла. #
Я блуждаю Эльма огнём в лесу... #
Я ложусь с ней спать, просыпаюсь с ней. #
Сквозь меня проходят штыки, копьё... #
И она становится всё темней. #
Всё, что есть в бушующей мгле #
– моё. #

Ты меня такую ещё не знал. #
Я такую не знала себя сама. #
На меня спускают собак. Сигнал #
Алых факелов, что крадётся зима. #
Я ее принимаю. Снега, метель. #
Так бывает – холода плотно. #
И меня не греет моя постель. #
И меня не греет его вино. #
В старых замках спрятались короли. #
У принцесс засучены рукава. #
Бьют тревогу стражники. Из земли #
Вырастает чёрная трын-трава. #
И как в страшной сказке хватает вьюн #
За запястья бросивших вызов мгле. #
Рыцарь света, знаешь ли, слишком юн, #
Чтоб спасти страдающих на земле. #
И приходится, с силою, мне самой, #
Стиснув зубы, мраку давать отпор. #
Ты – в пути, ты должен, хоть волком вой, #
Развести в лесу сигнальный костёр. #
И его горячее пламя ввысь #
Будет виться весело, будет петь. #
Тьма отступит в сторону, словно рысь. #
И огонь не даст тебе умереть. #
Потому что я же полна огня... #
Потому что я же полна тепла. #

Я ему говорю, чтоб он грел меня. #
От него разбегается в чашу мгла... #
Надо мной нависла деревьев бязь. #
Тянет ветви ко мне. Но я знаю путь. #
Я могла бы отсюда себя украсть. #
Я могла себе бы себя вернуть. #
Но я как песок – ускользаю сквозь, #
Но я как вода – по земле теку... #
Тьма идёт по обрыву, крадётся вкось. #
Я с горящей щепкой от тьмы бегу. #
– Ты чудовище, тварь, умирай, гори... – #
Будто шепчет мне лес и болотный смрад. #
Я иду, дыра зияет внутри. #
Я в аду, мой милый, и я – солдат. #
Как материю Космоса, гложет мгла #
Точки памяти – звёздную пыль огня. #
Я забыла, что я была влюблена. #
Я – костёр, сгоревший внутри меня. #
И, когда во мрак попадает свет, #
Я не чувствую боли, обмана, лжи. #
Я – всего-лишь тающий силуэт #
В его поле с пропастью да во ржи. #
И всё кажется, против меня, но зря. #
У меня есть щепка с огнём в руке. #
У меня есть новый день и заря #
С кем-то очень любящим вдалеке. #

Он меня обнимет и заживет #
Эта чёрная бездна внутри и вдруг #
Упадёт на тёмный дремучий лёд #
Моя щепка с диким огнём из рук. #
И растает лёд. И порвётся нить, #
Там, где штопано сердце от горести. #
Он мне скажет: #
– Как тебя не любить... #
И я снова буду #
Цвести. #
Цвести.

***

Я нашёл эти письма, где тебе двадцать, Истли. Они
были в саду, в зарытой бутылке виски. #
Здесь осколки от зеркала, фантики и ириски... #
И в пергаменте старый, покрытый плесенью #
Медный #
грош. #

Здесь ещё не стояло церкви, не жили бонны, #
Не писали монахи-художники лик Мадонны, #
Ты из косточек вишни делал себе патроны. #
Ты ходил до фонтана, где доставали кроны, #
Ты ещё на дощечках не выводил иконы. #
#Ты себе #
вытачивал #

Нож. #

Говорили: «Красивый мальчик. И стан и профиль». #

Ты в полях жёг солому, пел, воровал картофель. #

И закидывал голову, скалясь, как Мефистофель. #

И рычал на обидчиков, словно голодный волк. #

Ты был смелым, как ветер – вихрем, виденьем, кошкой, #

Ты прикалывал юных девушек к сердцу брошкой. #

Ты желал всего мира – сразу – не понемножку. #

#

Ты так страстно хотел #

и хмель, #

и металл #

и шёлк. #

#

– Посмотри, посмотри, это всё суета мирская. – #

Говорили в пансионате. – Тоска... Тоска... Я #

приходил к тебе, чтобы вылечить твои раны. #

Но в твоей голове уже поселились храмы. #

Храмы с драмами всех историй библейской паствы.

#

Ты мешал в одинокой келье тёмные краски. #

– Бог посмотрит на вас, #

Посмотрит и покорает. #

Ты сжигаешь душу в смиреньи – #

Душа сгорает. #

#

Жизнь монаха – игра и блеф. Но родня в экстазе. #
Ты как будто тюремный узник в тяжёлой рясе. #
Ты как будто распят с Иисусом в иконостасе, #
Прямо в центре, #
за всех несчастных скорбя душой. #
Время словно собака, которая ловит фрисби. #
Лики мрачных апостолов, краски, холсты и кисти. #
Гаснут взгляды, слова, как гаснут в камине искры. #
Ты давно позабыл о правде, любви и жизни. #
Ты похож на сидящего в зарослях злого гризли... #
Ты – ведь маленький, Истли. #
А этот Бог – большой. #
Ты кусаешь себя за локон. Ты крутишь перстни. #
Сколько света стекает из пулевых отверстий. #
В нашей скромной общаге музыка из Нью-Джерси, #
Помнишь, помнишь, Истли, легко нам жилось в
миру? #
Ты тогда говорил, что все мы страдаем адски, #
Что наш мир отшит и выкроен по-дурацки. #
Эти модные боты, эти крутые цацки... #
А еще ты сказал: #
«Без Бога, – мол, – я умру». #

Это ложь. Это боль. #
Я читал твои письма, Истли. #
В них нет бегства от света, #

Нет отверженья жизни. #

В них прямые лучи на солнечном парапете, #

В них влюбляются девушки, #

Громко хохочут дети. #

В них сливается с кладкой каменной тёплый мох... #

#

Черт возьми, тебе, Истли, #

Идёт не на пользу #

Бог. #

***

Тёмных сосен мелькают головы, #

Пьяный май обещает дождь. #

Месяц вытек из тьмы, как олово. #

Ты мне, девочка, подойдёшь. #

По обочинам – тьма бродячая. #

В лобовое стучится град. #

Ты – бездарная и горячая. #

Я – холодный социопат. #

Твои губки – кроваво-сладкие. #

А твой голос – почти этил. #

Я читаю тебя с закладками. #

Я почти всех, кто до – забыл. #

Обжигаться тобой – до черного #

Я, как спичка, готов. Allons... #

Ты – всего нутра кипяченого #

То ли скрежет, а то ли стон. #

Ты – как маки в траве Кастилии. #
Я – как холод полярных глыб. #
Твои фразы, твои истории – #
Это полчища мёртвых рыб #
На воде океанов сумрачной – #
Они умерли от вранья. #
Ты выходишь одна из рюмочной, #
Тебе дверь открываю я. #
Мою бедную злую голову #
Ни вскружить тобой, ни снести. #
Пил с тобой даже виски с колою – #
Без надежды себя спасти. #
Ты хохочешь – и хлещут лопасти #
Вертолётов. Лови, лови... #
Я во ржи над бездонной пропастью. #
Я не помню слова любви. #
Мы, малыш, будто Авель с Каином. #
Мы играем с тобой карт-бланш. #
Я машину веду по гравию... #
Справа свет Ле Разен э'ланж. #
Говоришь мне, что любишь Диккенса, #
Достоевского и Диор. #
Ты – журавль из обертки Сникерса, #
Я в законе бывалый вор. #
Я украл тебя, изучил тебя, #
Я на ужин тебя сожру... #

Я как волк, клыки точил об тебя, #
Прогрызая внутри дыру. #
И мне всё в тебе, детка, нравится. #
Можно даже меня бросать.
Я такими, как ты, красавица, #
Вдохновляюсь стихи писать. #

***

Утро в апреле – туманно – сизое. #
Небо над ВКИО – льняным холстом. #
Город мой, ветром весны пронизанный, #
Словно огромный, гудящий дом. #
Дом, где соседи ворчат за кружками, #
Громко хохочут, мешают спать... #
Дом, где меня, в распашонке с рюшками #
В мае качала на ручках мать. #
Пермь. Ты – всё та же. С кассетных видео. #
Центр вселенского бытия. #
Тридцать один год назад – ты видела, #
Как появилась на свете я. #
Вместе с деревьями, вербой, розами, #
Свежими книгами в «Роспечать», #
И ты решила жарюю, звёздами, #
Маршем военным меня встречать. #
Мир притаился – он улыбается. #
Я улыбаюсь ему в ответ. #
В окна, по лоджии пробирается #

Первый мой, яркий живой рассвет. #
И я такая лежу, счастливая. #
Мне ещё день. Или, может, три. #
Небо – огромное, молчаливое... #
Столько Любви у меня внутри! #
Вырасту – стану поэтом, может быть, #
Стану художником, буду петь. #
Столько путей у меня, о Боже мой, #
Как в этом мире мне всё успеть?... #
Жизнь у меня будет долгой самою. #
Мир подхватил меня – и понёс... #
Я – это солнце над спящей Камою, #
Я – в каждой точке далёких звёзд. #
Город – какой ты большой, мой маленький. #
Сколько историй в твоей душе. #
Я в Парке Горького. Шуба. Валенки. #
Лошадь. Портреты в карандаше. #
Солнце играет лучом. Сутулится #
Старой Ротонды седая ось. #
Город мой, каждая твоя улица #
К сердцу пришита иглою вкось. #
Мост. Где-то катер идёт по реченьке... #
Красные шарики, дым костра... #
Пермь, ты – заплатка в моем сердеченьке -
Там, где зияла внутри #
Дыра. #

***

Белая простынь – пиратский флаг. #
Солнце стучится в дом. #
Девять ромашек зажав в кулак, #
Ужинать мы идём. #
Я – и мой брат – по лесам, горой – #
Чёлка, штаны в грязи... #
Мама играет с моей сестрой. #
Папа ушёл в такси. #
Девять ромашек – сестре одна, #
Пять – для маминых ваз. #
Три – для соседки. Списать она #
Нам без цветов не даст. #
Рыжие косы, портфель, тетрадь... #
Тонкий лица овал... #
Мне она нравится – не соврать. #
Я бы гулять позвал. #
Мама поставила щи. Едим. #
– Не всухомятку, Коль! #
Выстрел. Ракета. Обвалы. Дым. #
Вспышка. Землянка. Боль. #
#Восемь ромашек на рукаве. #
Две – для сестры. Молчим. #
Пара – для мамы. Соседке две... #
Две – для солдат-мужчин. #
Мы под обстрелами. Мы – в подвал. #

Всё. Прекратите. Нет. #

Нас всего двое – я и мой брат. #

Брату двенадцать лет... #

#

– А у меня потом будет жена? #

Будет собака, дом? #

#

– Папа, а правда, идет война...# #

И мы на ней умрем?

***

Ночь неслась по пустому городу малолеткой, #

Начертив светофоры на азиатских веках. #

Я лежу на полу под пледом и под таблеткой, #

Наблюдая за звёздами-рыбами в чёрных реках. #

Мне сказали, что я – Есенин. Что я – меж боли #

Застреваю как гвоздь в стене застревают, в сколах. #

Мне сказали, что я на воле, но подневолен, #

Что стихи у меня не те, что проходят в школах.

Я фатально спокоен. Я бесконечно ясен. #

Палец-в-рот-не-клады. А то ж. Извини-подвинься. #

За окном – как огромный кит – умирает осень. #

Я – песчинка в потоке, #

Чертов #

Последний #

Ниндзя.

Я не чувствую боль потери – потеря бренна. #

Я не помню, когда любил и когда был весел. #
Я один под дурацким пледом, в густой Вселенной, #
Я не знаю поэм и сказок, не помню песен.
Я – психолог и психопат. Я могу быть разным. #
Я не выучил роль. Но знаю всё до оскомы. #
Я стираю пиджак у мамы, когда он грязный. #
И почти три года не выхожу из комы.
Я – как проза у Гоголя. Как Кривосток. Как Билли. #
Я ходил и глядел на церковь один с погоста. #
Я смотрел, как баюкали, лаяли, хоронили. #
Я встречался с похожими, но не заметил сходства.
Я не помню, как я пришёл и когда был нужен. #
Кем запрошен, оставлен, выжат, наказан, предан. #
Я играю с людьми – и даже одной – был мужем, #
А теперь я себя ощущаю столетним дедом.
Я хожу, улыбаюсь, по своей тёмной клетке. #
Я давно бы купил Порше и уехал в Люблин. #
Что же ты не идёшь смотреть? #
Я – Есенин, детка. #
У меня есть минус – я доверяю людям.

***

Я живу далеко в лесах #
В старом доме из ветхих палок. #
Здесь гуляет животный страх #
По избушкам седых гадалок. #
Здесь деревья стоят как ряд #

Черных досок на городище. #
Здесь сто семьдесят лун подряд #
Моё #
Маленькое #
Жилище. #

У меня есть окно и двор. #
И Тайга за бумажной клейкой. #
Я держу на сеньях топор #
И настойку за телогрейкой. #
Вертолеты пронзают ночь #
Свистом лопасти, в темной гуще. #
Я смотрю на тебя в упор. #
Ты #
Нисколько #
меня #
не лучше. #

Ты боишься сойти с ума #
Среди груд дорогого хлама. #
Городские твои дома #
Прогрызает насквозь реклама. #
Ты боишься остаться вне, #
Потерять навсегда пустое. #
Я залягу на самом дне.
Мне бояться #

Уже #

Не стоит. #

#Дом мой – точка среди снегов. #

До меня – сотни миль дороги. #

Ты для этого не готов. #

У тебя не окрепли ноги. #

И поэтому решено – #

Троп добраться ко мне не сыщешь. #

Здесь не действуют деньги, но #

Здесь становятся души чище.# #

***

Ты – как море.

Как Иже

и как Еси.

Кипячёное море свербящих фраз.

Шхуны просят спасти их –

И ты спаси,

Даже если

Тебя бы никто

Не спас.

Ты же море –

Ты с мудростью и тоской

Омываешь скелеты былых страстей.

И минорные волны скребут рукой

Мясо памяти

С праздных

Чужих
Костей.

Ты забудешь. В тебе слишком много слёз.

Ты волнуешься, ты не пускаешь вброд.

Среди этих кипящих на небе звёзд –

Нет последней, в шторм,

Что всегда -

Ведёт.

Я стою на песке – ураган в ночи

Набивает гортань узловатой мглой.

Ты даёшь мне замок и даёшь ключи.

«Привяжи меня этим к себе.

Закрой».

Я бросаю. И тонет тяжёлый ключ.

Я сажусь на колени – тебе шепчу.

Я шепчу, как декабрь пуст и колюч,

Как иду по камням и взлететь хочу.

Про горячее солнце, про красный мак.

Про высокие горы, про жар огня.

Я срываю с себя безобразный мрак

И волною прошу отогреть меня.

Моё море,

Зачем же ты так давно

Негодуеть и губишь в ночи суда?

Я пришла к тебе. Хочешь, нырну на дно?

Там, под рёбрами падуг, лежит звезда.

Хоть она неказиста – песок да ил...
И для мелкой рыбёшки – пустая блажь,
Это сердце твоё. Ты уже забыл.
Ты же море.
Ты мне
Его не отдашь.
Поднимай его – я прикоснусь. И вот.
Ты уже будто стонешь: «Спаси! Спаси!»
Я бесстрашно шагаю впервые в брод.
Ты же море.
Ты Иже.
И ты
Еси.
И ты ловишь меня. Не тону – иду.
Твоё сердце в небесный несущий чертог...
Твоё сердце – ласковую звезду.
Твоё сердце – нежное как цветок.
Я смываю слезами и ил и грязь.
Ты пытаешься как-то согреть меня...
Ты же море.
И в сердце твоём – связь.
Я связист. Как слышно? Здесь нет
Огня!
Я бросаю на небо её – и вниз.
И тону, погружаясь в пучину тьмы.
Но я вижу звезду. Но я вижу жизнь.

Это сердце..

И это

Сделали

Мы.

Я уже превращаюсь.. я не дышу.

Я звезда. Я касаюсь морского дна.

Я лежу в тебе, море.

На дне лежу.

Твоё новое сердце.

Твоя

Жена.

Твоя боль.

Твоя плоть.

Неподвластен злу

Центр волн и волнений.

Мой гордый путь -

Озарять собою мертвую мглу...

Чтоб другим не страшно

Было

Тонуть.

***

– Мир-калека, малыш. Не суйся туда одна. #

В одиночку сложнее биться, любить, бороться. #

Выбирай себе маму звонкую, как струна, #

Выбирай себе папу, если такой найдётся... #

Выбирай себе город, время, число, судьбу. #

Посчитай воплощения, души, провалы, смыслы. #
Я сотру тебе память. Брошу тебя в борьбу. #
Ты поймаешь течение. #
Ты не посмеешь смыться. #
Я оставлю тебя на поле, найдя между... #
Ведь не чтоб ты сдавалась, я #
Тебя #
Привожу. #
#Ты пройдёшь по горам. Ты будешь любить и петь. #
Тебе будет безумно сладко, безумно больно. #
Ты успеешь всё, #
что захочешь за жизнь успеть. #
Ты вернёшься #
Ко мне #
дорогой своей #
Довольна. #

И ты спросишь меня: «а можно ещё пойти?» #
Я бы спрятал тебя. Но это твои Пути. #

Ты забудешь меня. И речь. И себя. И стаю. #
Я в тебя с каждым новым опытом прорастаю. #
Становлюсь твоей болью, радостью, оболочкой. #
Твоим сыном, отцом, подругой, соседкой, дочкой. #
Я тебя отпускаю, зная, что мы – как реки. #
Мы смываем всю грязь, живущую в человеке. #

Мы сдираем обои с исписанных стен барака. #
Я бегущая за тобой во дворы собака. #
И в глазах у меня – вся злость собралась мирская. #

Проверяю тебя на вшивость. И отпускаю. #

Знаю, чем ты возьмёшь. Ты долго не держишь зло. #
Миру очень с тобою, девочка, повезло. #

***

Есть большое-большое поле. #
А за полем – большая речка. #
Есть большое-большое горе. #
И есть маленькое сердечко. #
Есть шаблоны, лекала, пазы. #
И есть души – века, гиганты. #
Есть большие-большие стразы. #
И крупичами – бриллианты.

***

Отклоняться от плана, падать – запрещено. #
Не показывай слёзы, не выходи в окно. #
Не грусти, не люби, не кайся, не верь, не ври. #
Открываешь людей – а там ничего внутри. #
Делай бизнес, играй на Форекс, рисуй заказ, #
Отложи капитал, возьми внеурочный час. #
Им нужны от тебя лишь деньги. Вот новый счёт. #
Отправляй, заплати. Нам мало. Ещё. Ещё. #

Из машины в машину. Дождь. Ресторан. Контракт. #
Документы, бумаги, смета, работа, акт. #
Покупаются акции. Риски близки к нулю. #
А так хочется просто слышать: «Нужна... люблю...» #
#

Два часа в самолете. Блоги, вотсап, эфир. #
Время движется стрелкой Ролексов... как зефир, #
Тают-тают минуты, медленно плавя боль. #
Одиночество. Сметы. Музыка. Апероль. #
Не свихнись, не стори в аду, не лежи на дне. #
Будь чуть круче других. Будь с лучшими наравне. #
Нарастаи, увеличь, покрась, зацепи, беги. #
Отыщи себе друга, если вокруг враги. #
Переспи, пережди, подумай, замри, уйди. #
Стиснув зубы, толкай идущего впереди. #
Вывози. Отвози. Воспитывай. Продавай. #
Предавай каждый день себя, милая.
Предавай. #

***

Мы мечтаем с тобой об очень смешном. Беги. #
О потертом Камаро, звёздах над Алабамой. #
Ты бездомной дворняге давала лаваш с руки. #
Мы стояли у моря в шторм под большой рекламой. #
Ветер гнал облака на чёрный брезент воды. #
Ты сказала, что люди гаснут, взрослея – помню. Мы
снимали с тобою комнату – со среды. #

Со среды ты меня заполняла своей Любовью. Как
пустую бутылку с мутным стеклом на дне, #
Как военные гроты шторм заполняет пеной. #
Ты сказала, что люди – пуговики на спине #
У холщового платья, сшитого для Вселенной. #
Время их отрывает в тёмное «никуда»... #
И останутся нитки, нитки... стежки и дырки. #
Мы смотрели на море. Чёрной рукой вода, #
Рисовала узоры будто бы под копирку #
На холодном песке. Вот лица. А вот – дома. #
Старой бабке-хозяйке мы покупали Къянти. #
И она, вспоминала, кажется, что зима – #
Это время листать альбомы, тревожа память. #
И подолгу смотрела с лоджии, как сидим, #
Прикасаясь руками, между ветров, у пирса. #
И вздыхала. И ставила кофе. И сизый дым #
Ее рыжей сигары над головой клубился. #
И она улыбалась – среди ее морщин – #
Будто плавилось сыром солнце Техасских прерий. #
Мы с тобой приходили с моря. И пили джин. #
И она закрывала в комнате нашей двери. #
Ты сказала, что твоя мама – из тех актрис, #
Что играли на сцене местного Мюзик-Холла. #
Что ты с детства впитала запах и пыль кулис, #
Что ты пела на сцене вместо церковной школы. #
Что твой папа – моряк и как-то ушёл в моря, #

Чтобы больше не возвращаться и стать героем. #
Что у бабушки есть в Канзасе своя земля, #
Что твой дедушка – за наградами плавал кролем. #
Говорила, что ты принцесса из древних Фив. #
Мы смеялись и обнимались невыносимо. #
Мы хотели бы взять собаку и сумку слив, #
Мы хотели купить билеты и гнать в Россию... #
Я был в доме твоём. Но позже. Ты мне лгала. #
И я плакал. Там было страшно, темно и нище... #
Я узнал. Твоя мама – тысячу лет пила. #
Я узнал, что твой папа – продал тебя за тыщу. #
Что была ты прислугой, а не «принцессой»... нет... #
Что стирала бельё в потёмках сырого сквота... #
Но я больше не видел, чтобы такой же свет #
Исходил от кого-то. #

***

Мои бывшие прячут фотки со мной под книгами. #
Я же темная лошадь, карта цыганской девочки.
Солнце лижет февральский полдень скупыми
бликами, #
Снег размазан как творог в белой земной тарелочке.
#И деревья меня хватают руками-сучьями... #
Мир растерзан, как чья-то сумка, где взяли ценное. #
Я кладу в него что-то новое, что-то лучшее, #
Не гоняясь на скидками, бирками и за ценами. #

***

Знаешь, детка, я будто в клетке. #
Лю с балкона рассвет и дым. #
Ты уедешь на красной ветке #
В свой заброшенный ветхий Рим, #
Где в кольце из пятиэтажек #
Палец Спящего Божества #
Упирается в фюзеляжи #
Самолётов, что ждёт Москва. #
На столе остаётся пачка: #
Смятый Кэмэл... заколка, лак. #
Ты – исчезнувшая чудачка, #
Я – оставшийся ждать чудак. #
Режет небо полоской белой – #
Отдаляется точка. Всё. #
Знаешь, детка, я столько сделал, #
Что однажды меня спасёт. #
Но в расчетах я был не точен – #
Это пыль. Или просто пыл... #
Раздавая лимит пощёчин, #
Бог и мне хорошо вlepил. #
***

– Слушай, – она говорила за рюмкой бренди. – #
Мне иногда мерещится-я легенда. #
Силы во мне – от гетто до хэппи-энда. #
Я вырываю якорь из пасти змей. #
Но, – тут она обычно смеялась звонко, – #

Сердце моё спокойно, как у ребёнка. #
Лица забытых – словно в углу иконка. #
Каждое слово -будто удары гонга. #
Так почему я плачу из-за людей?... #
Мы познакомились, помню, на фоне Беркли.... #
Длинные сосны в окнах – как свечи в церкви. #
Песни по радио лгут о любви и смерти... #
Пара гирлянд застыли под потолком. #
Встречные фары вспыхивали и меркли. #
Небо снимает белых нарядов мерки #
С темного леса. И для финальной сверки #
Я проверяю крестик под кадыком. #
#

– Да, я держу у дома тринадцать Чудищ. #
Слышу: «на волю поди отпусти, #
раз любишь»... #
Чудища спят на ворохе старых рубищ, #
Злятся и скалят пасть. #
Я подвергаю себя опасности. Не смешно ли?... #
В алых глазах у Чудищ ни капли боли. #
Чудища знают, сколько насыпать соли, #
чтоб мне совсем пропасть... #
#

– Кто они были раньше, все эти твари? Душный
автобус, Кэмэл и запах гари. #
Фары мелькали, сосны во тьме, как в сари, #

В воздухе плыл покой. #

– Те, кто меня любили, потом предали. #

И я простить их после – смогу едва ли. #

Те, кто когда-то пламенем там сгорали... – #

Медленно показала на грудь рукой. #

#

Междугородний. Где-то четыре двадцать. #

Сходим на трассе. Красные линзы станций #

Смотрят в упор. Нам хочется задержаться #

И посмотреть подольше на чистый лёд... #

#Дикое чудище гладит рукой принцесса... #

Звёзды как будто дыры от пуль Дантеса... #

И я иду по кромке седого леса... #

#К дому принцессы... #

#Чудище и урод.

***

Мама моет тряпкой окно внутри. #

Пахнет свежей елью. Я сплю. Мне три. #

Этот мир – как яркая мишура. #

На руках у мамы – моя сестра. #

В коммуналке шумно. Кастрюли, звон... #

Свежий снег и папин одеколон. #

За окном – мой садик и фонари. #

Мама тихо смеётся. #

Я сплю. #

Мне три. #

Сок в киоске, кажется, по рублю. #
– Мама, папа, как же я вас люблю! #
У домов погасли огни давно. #
Жизнь идёт, как будто идёт кино... #

Мне четыре. Папа – на маяке. #
Мама пишет письма. Конверт в руке. #
Мы идём на почту. Зима. Мороз. #
И глаза у мамы в стекляшках слёз... #
У огромной ели – конфет гора. #
На руках у мамы – моя сестра. #
Мама в красном платье, ей двадцать три #
И я знаю, что у неё внутри... #
#Марка стоит, кажется, за пятак. #
С фотографий папы глядит моряк. #
У него глаза – словно острый нож. #
Мама скажет, я на него похож... #
#Мне почти что девять. И я скрипач. #
Дядя Паша дарит мне новый мяч. #
А у папы где-то жена и дочь. #
Мама на работе и день и ночь. #
Сохранить бы счастье как консервант. #
У сестры в косичках белеет бант. #
Школьный двор, качели, концертный зал. #
Моя мама смотрит во все глаза... #

#

И от боли будто щемит в груди: #

–Папа, папа, ну же... не уходи! #

Бог закрутит туго концы узла. #

Там, где сказка станет внезапно зла. #

#

Там, где радость рвётся, и всё внутри #

Замирает. Мне скоро тридцать три. #

У меня другие жена и дочь. #

Я иду по тексту. И роль точь в точь... #

#

Твоя мама моет внутри окно... #

Пахнет свежей елью. Ты спишь давно. #

Это как Сансара. Прости, сынок... #

Поменять сценарий я б вряд ли смог. #

***

Мы лежали у чёрной сопки, #

Упираясь ногами в небо. #

Мы скопили четыре сотки. #

Мы украли у местных хлеба. #

Ты звалась по-собачьи-Айке, #

И спокойна была, как баржа. #

Мы смотрели – как смотрят лайки #

На тарелку мясного фарша #

Друг на друга. И небо вздулось #

Будто чёрный гудрон Московский. #
«Ты откуда ко мне вернулась?» #
– не ответит и Маяковский. #
Мы купили вина в киоске. #
Мы ходили до местной бабки. #
Ты смотрела мои наброски #
И мои надевала шапки. #
Я кусала тебя за плечи, #
Я рычала почти как псина. #
Расстояние, мол, не лечит. #
И что мной ты невыносима. #
Ты была как шаманка – дикой. #
Ты была как лисица – алой. #
Я кормила тебя черникой, #
Ты разбила мне все бокалы... #
Ты меня обнимала грубо, #
Ты меня оцепляла тонко. #
Ты меня целовала в губы #
И трепала, как львица львёнка. #
Здесь такой не найдётся суки... #
И в домах на отшибе – грустно... #
Ты держала меня за руки, #
Говоря, что они – искусство. #
Твои волосы канифолью #
Распластались по старой майке. #
Ты не знала, с какую болью #

Я тебя отпускала, Айке. #
Нас в деревне – четыре ведьмы. #
Мы живем на четыре дома. #
Про тебя здесь ходили бредни. #
Без тебя здесь – война и кома. #
Я тебя приняла, как поезд #
Принимает печальных пеших. #
Ты заткнула меня за пояс. #
В моей чаще – ты страшный Леший. #
Две другие – уедут в город, #
Разродятся и купят хаты. #
Я тебя отвезу на горы. #
Мы всегда будем не женаты. #
– Ты всегда распускаешь сопли... #
– Ты всегдарываешь в клочья. #
Мы лежали у чёрной сопки #
Этой звездной декабрьской ночью. #
***

Покаяние-это просто «пока не я», #
Мы могли б стать мудрее и старше,но стали-старше. #
Я кормлю на причале крошками воробья, #
Пока #
небо #
глотаёт ночь, фонари и баржи. #

Над водою ползёт рассвет, залатав туман #

Золотистой нитью штопая пароходы. #

«Всё обман, дорогая... #

Даже печаль – обман. #

Согласившись на ноги, Русалка теряет воду». #

#

Даже если любовь – немножечко «потерпеть», #

Даже если «страдать» – равняется «примириться», #

Согласившись на ноги, Русалочка, будто в клеть, #

Попадает внезапно в сырую лачугу принца, #

#

Где окурки и лампа, письма от бывшей, Босх, #

Где за стенкой соседской басом гудит стиралка... #

Согласившись на ноги, Русалка теряет хвост... #

Но все счастье в хвосте, дурацкая ты Русалка.

#***

Моя милая Мэр, в стихах-никакого толку. #

Мир построен, как башня-лестницей к небесам. #

Злые сказки с плохим концом уберём на полку, #

Будем верить морям, закатам и чудесам. #

А давай помечтаем, будто бы мы в Провансе. #

В желтом маленьком доме с лестницей и фойе, #

Где сосед из Ле Бо раскладывает пасьянсы #

И, где кажется, солнце стелется по земле. #

Как мы ставим колосья в вазу, как ловим мошек Над
вечернюю лампой... À minuit sur la mer... #

Лето, масло сандала, яблоко, бант в горошек. #

И тепло твоих глаз. Они много знают, Мэр. #
Ты стоишь загорелая, с этим курносым носом, #
Голубыми глазами с проблеском янтаря, #
Ветер Экс ан Прованса треплет тебя за косы. #
–Мама, -спросишь, -о чем в полях говорит земля? #
Что такое любовь? Зачем мы приходим, мама? #
Как понять, где добро, где зло? #
И поправишь прядь. #
Я поймаю случайно слетевшую вбок панаму, #
Поцелую тебя и мы побежим гулять. #
Мы с тобою пойдём на поле и ляжем в травы. #
Будем рвать одуванчики, вместе напишем стих. #
Даже взрослые, Мэр, во многом порой неправы. #
Даже дети бывает, знают побольше их. #
Моя милая Мэр... И как нам с тобой спастись #
От огромного кома гнили, бухла и тьмы #
Что в карманах у каждого, кто не намерен сдать #
В этой битве за то же самое, что и мы? #
Как не выронить сердце прямо из рёбер в тридцать, #
Вскрытых болью обид, как ржавым ключом замок? #
Как плести своё счастье также, как бонна спицей #
Моноotonно и молчаливо плетёт носок? #
Дети знают, что к нам приходят, #
чтоб нам напомнить #
О любви и душе. О том, что в грязи и зле, #
Как в огромной тюрьме, на нарах бесцветных

комнат, #

Мы сидим и не видим радости на земле. #

***

Этот грязный мотель, облака цвета

фуксии, стол, кровать. #

Мне так многое нужно, друг мой, тебе сказать. #

Рельсы словно тугие жилы небесных рук #

Заплетаются встречами, фразами. Мир, мой друг- #

Как огромная площадка, полная молока. #

Мармеладом Луна упирается в облака, #

Снег ложится, как сахар, падает прямо в рот. #

Тот, кто любит, мой друг-любимых не предаёт... #

Я ходил по стеклу, я прыгал со скал в моря, #

Отгрызал верёвки, сталкивал якоря, #

Отдавал последнее, видел чуму и тиф- #

Был богат или беден. Жалок и некрасив. #

Жил в бараках с клопами, спал на полу в тряпье. #

Одевался в Париже, даже носил Картье. #

Череп и пергамент выкапывал из могил. #

Но ни разу, мой друг, действительно не любил. #

Но жалею ли я об этом? О нет... о да... #

Время-просто сосуд, из которого льёт вода. #

Я не помню ни слез, ни ваших горбатых спин. #

И поэтому я на воле и я один. #

***

В Гватемале, где бурый рис и вечерний ром... #

Вентилятор в гостинице,жалюзи на окне... #
Полосатые тени,старенький метроном #
И облезлый загар на мокрой от волн спине... #
Заземлённые танцы,розовое такси, #
Обгоревшие пальмы с куполом пышных крон... #
Распродажные шорты,выцветший лимузин, #
Мотоциклы и корты,золото и бурбон... #
В Гватемале,где на квадрат-пара шлюх и бар, #
В той знакомой мне Гватемале,где пыль и джаз... #
Среди душного рынка,там,где ряды сигар, #
Я однажды застыл как вкопанный,встретив Вас. #

Да.У Вас были дреды,родинка,лисий взгляд, #
Изумрудная майка,пара богатых дядь. #
Вы носили с собой блокнот и ко всем подряд #
Приставали с вопросом: «Можно нарисовать?». #
Вы всегда улыбались-чистая,как Лакшми. #
Вы любили на свете,кажется,всех калек. #
Не читали плохие новости,черт возьми. #
Говорили,что я-особенный человек. #

А потом я узнал,что вы продавали кокс. #
А потом я узнал,что вы-предлагали секс. #
Но я был рабом искусственных ваших кос, #
Хоть наслышан от местных чёрных про ваших «экс». #
И такая любовь была у нас,хоть молись. #

Мы снимали за пару долларов ветхий дом. #
Вы носили сигары, доллары, бурый рис. #
Вечерами у моря вместе мы пили ром. #
Вы клялись, что всё бросите, что мне родите дочь, #
А я клялся, что мне плевать, с кем вы спали, но... #
Море грустно шумело. Снова входила ночь #
С полуночным прибоем в раненое окно. #
Вы меня обнимали между багровых скал, #
Вы смеялись так звонко, будто дрожит стекло... #
Вы сказали, что я от гибели Вас спасал, #
Вы сказали, что нам отчаянно повезло. #
Но я знал, вы-все-го-лишь девочка с пыльных трасс... #
С той поры
прошло уже
десять лет. #
Вы родили мне дочь-а я ненавижу Вас. #
Да и Вы меня тоже. #
Очень простой сюжет. #

***

Там, где небо падает в дёсны гор, #
Там, где ноздри ущелий вдыхают тьму, #
Двое женщин спят. У одной-топор. #
У другой что спрятано-не пойму... #
Разбросала ночь угольки костра, #
Словно пыль янтарную по песку. #
«Нам пора в дорогу. Вставай, сестра...» — #

Прислонившись,шепчет,одна,к виску. #
И седые волосы раскидав #
По холодной шее,глядит во мрак. #
Где тревожно,медленно,как удав, #
Старый дуб корнями ползёт в овраг. #
У второй-две ссадины на щеке #
А глаза-анисовый ром со льдом. #
Она держит платье,идёт к реке. #
У реки-заброшенный ветхий дом. #
«Да,пора...»-отвечает седой,вздохнув, #
Наклонившись к зеркалу тёмных вод. #
«Я большая птица,я-острый клюв, #
Я стервятник,хищник-кровавый рот...» #
И седая хмурится без причин. #
Подбородок воина,брови вкось. #
«Помни мой завет-никаких мужчин! #
Я тебя читаю почти насквозь! #
Все мужчины-божья проба пера, #
Мы с тобой сбежали от них вдвоём... #
Я мудрее,старше,поверь,сестра, #

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.